

УДК 811.161.1'373 ББК Ш141.12-3

Лошадь или конь? (Опыт сравнительного лексикографического анализа)

В. В. ХИМИК

Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Статья посвящена феномену двух доминант русской гиппологической лексики: сравнению семантики, прагматики и употребления слов лошадь и конь по данным русских словарей.

Ключевые слова: гиппонимы, грамматический род, доминанта, оппозиция, семантика, прагматика, функционирование.

V. V. KHIMIK. *The horse or the kon'?* (Experience of comparative lexicographic analysis)

Abstract. The article is devoted to the phenomenon two dominant of the semantic field of «horse» in Russian, comparison semantics semantics, pragmatics, and use of words kon' and loshad' according to Russian dictionaries.

Keywords: horse names, genders, dominant, opposition, semantics, pragmatics, functioning.

— Это мой лошадь, я с ним играю. Ты будешь играть с лошадкой, а я с лошадем.

Илюша К. 4 года

Четырехлетний ребенок игнорировал известное ему слово конь и предпочел решить «проблему пола» образованием формы мужского рода от существительного женского рода третьего склонения лошадь: *лoшадeм, *лoшадя. Почему? Нет ли для такого преобразования каких-то внутренних объективных причин, связанных с особенностями значения и употребления двух русских слов: лошадь и конь?

На первый взгляд, конь и лошадь — пара зоонимов, которые, как и другие парные родо-половые названия диких и домашних животных, различаются грамматическими значениями мужского и женского рода, ср.: бык — корова, лев — львица, волк — волчица. Известно, однако, что такие пары могут маркированными или слабомаркированными.

Маркированные пары объединяют отдельные (супплетивные) названия мужской и женской особей: баран — овца, бык — корова, козёл — коза, петух — курица. Отметим при этом, что множество особей — «стадо, стая», называется в таких случаях, как правило, женским именем, но без акцентирования пола: овцы, коровы, козы, куры (хотя в составе таких множеств могут быть и мужские особи).

Слабомаркированные пары: пёс — собака, волк — волчица, тигр — тигрица, верблюд — верблюдица и т. п., включают номинацию, которая в определенных контекстах как показатель пола нейтрализуется: волк, тигр, верблюд, собака и другие зоонимы могут обозначать животное без акцентирования его пола (самец или самка), например: бояться волка, страшный тигр, увидеть верблюда... Заметим, что подобную нейтрализацию обнаруживают чаще слова мужского грамматического рода (хотя слово собака — самец / самка — женского рода).

К какой группе отнести пару конь — лошадь? Очевидно, ни к одной из них, поскольку это особый случай. Только в некоторых, довольно редких употреблениях

оба члена оппозиции оказываются маркированными, обозначая пол — самца или самку. Например:

...И... у него большое было хозяйство / то есть крепкие хозяйства / вот они / **кони** / **лошади** / к-коровы / пасека.
(Д/ф ТК «Культура», 2009)¹.

Гораздо чаще оппозиция самец/самка нейтрализуется, то есть слова конь и лошадь никак не связываются с указанием на пол, и пара становится немаркированной, ср.:

Тут промолвил доброй молодец своему **коню**: Ох ты **конь** мой, **конь**, **лошадь** верная! Ты товарищ моей участи...
(Н. А. Львов. П. Л. Вельяминову. 1791);

Что характерно в Сальских степях? А характерно то / что там воды мало. И если вы в Сальские степи попадёте / то **коня** пойте... с самого утра. И обильно пойте / хорошо!
(Ю. Кара, Б. Васильев. Завтра была война, к/ф 1987).

Аналогичную нейтрализацию обнаруживает и слово лошадь (женского рода), когда указание на пол в его употреблении отсутствует и/или представляется несущественным:

Немцы конфискуют у Васи Буяна и везут его в вагоне, Вася отцепляет вагон и освобождает любимую **лошадь**.
(Э. Лимонов. У нас была Великая Эпоха. 1987);

Там они ещё поговорили о чём-то своём, закурили, крепко ругнули кого-то, и вдруг ржанула **лошадь**, хлопнули ворота — это ускакал лесник.
(Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей. 1978).

Если же смысловое различие ‘самец/самка’ все-таки необходимо, то, согласно языковой традиции, могут использоваться другие обозначения этого животного: маркированная пара *жеребец — кобыла (кобылица)*, либо какие-то слова из обширного поля русских гиппологических номинаций [Одинцов 1980: 17] мужского или женского рода (и пола): *кóмонь, клю́ся, одёр, лошак, мерин, кляча, иноходец, Пегас, буцефал, росинант, скакун* и множество других. Всего, по совокупным данным современных словарей, идеографических [Русский семантический словарь... 1998: 417–420], синонимических [Александрова 2005: 197] или словарей смешанного типа [Словарь-тезаурус синонимов... 2007: 29], в русском языке более тридцати названий «парнокопытных животных семейства лошадиных»: общих номинаций, названий по полу, возрасту и функции, которые объединяются вокруг двух бесспорных доминант семантического поля и синонимического ряда: *лошадь* и *конь*.

Но возникает вопрос: почему все-таки в живой русской речи закрепились не одна, как во множестве других языков, а две гиппологические доминанты и в чем их принципиальное различие?

Истоки сложившейся бинарности следует искать в истории. Слово конь, как известно, — общеславянское:

¹ Здесь и далее используются речевые примеры из «Национального корпуса русского языка» [http://www.ruscorpora.ru].

М. Фасмер связывал его с латинскими источниками: «из *komъ от *kobъ» (ср.: *caballus*) [Фасмер II, 1967: 316]. В то же время *лошадь* — образование гораздо более позднее, древнерусское: раннее заимствование из тюркских языков, от *alaša* в том же значении [Фасмер II, 1967: 526]. Отсюда, вероятно, и конкуренция двух базовых зоонимов русского языка — *лошадь* и *конь*, которая закономерно привела их к функциональному размежеванию. Суть размежевания в следующем: более древнее для русского языкового пространства общеславянское конь приобрело в русском языке, подобно многим старославянизмам, функцию некоторого стилистического повышения и социально-хозяйственной специализации: *конь* предназначен прежде всего для верховой езды, воинской доблести, но не для тяжелой гужевой работы. *Конь* — это скорость, сила, слава. Не случайно почти все устойчивые фразы патетического, возвышенного содержания используют прагматически окрашенное слово *конь*:

Полцарства за коня! По коням! Быть на коне; Дарёному коню в зубы не заглядывают; На белом коне въехать; Коней на переправе не меняют; Коня на скаку остановит и т. п.

Иное дело — слово лошадь, которое вошло в речевой обиход в основном как утилитарная номинация: для обозначения вида животного, для выражения с его помощью нейтральной информации, а также как название домашнего животного, которое используется для выполнения тяжелой работы. В результате существительное лошадь приобрело в значительной мере универсальный характер (*дикая лошадь, верховая лошадь, рабочая лошадь, табун лошадей, не гони лошадей* и т. п.), тогда как имя конь — стало более специальным и стилистически окрашенным гиппонимом. Так, в публицистических и научных текстах предпочтительнее номинация *лошадь*, тогда как в поэтическом повествовании, а также в некоторых профессиональных сферах чаще используется слово *конь*.

Размежевание двух доминирующих слов-гиппонимов отражено и в словарях русского языка. Слово *лошадь* в современных толковых словарях представлено прежде всего энциклопедической информацией: «Крупное непарнокопытное животное семейства лошадиных...» [Ожегов, Шведова 1992; Русский семантический словарь... 1998]; «Крупное домашнее животное, используемое для перевозки людей, грузов» [Словарь русского языка 1982; Большой толковый словарь... 1998]. Другая доминанта гиппологического ряда — существительное *конь* — традиционно представляется в словарях как вторичная и объясняется отсылочным способом: ‘то же, что лошадь (обычно / преимущественно о самце)’. При этом толковые словари отмечают еще и функциональный аспект содержания слова *конь*: «в речи военных, в коннозаводческой практике, в поэтической речи» [Словарь русского языка 1982–1984; Большой толковый словарь... 1998; Комплексный словарь... 2005].

Однако ни различие по полу, ни социальное разграничение, ни функциональный аспект не являются регулярными. Довольно часто в обиходной речи (в том числе традиционной) компоненты пары *лошадь* — *конь* оказываются взаимозаменяемыми, то есть оба слова могут использоваться в аналогичных функциях, ср.:

загнанный **конь** — загнанная **лошадь**; ломовая **лошадь** — ломовой **конь**; ржать как **конь** — ...как **лошадь**; Старый **конь** (лошадь?) борозды не испортит. — Упрямитесь как норовистая **лошадь** (конь?); Запрягайте, хлопцы, **коней** (лошадей?)... (Народная песня); Гляжу, поднимается медленно в гору **лошадка** (конь? коник?), везущая хворосту воз (Н. А. Некрасов. Крестьянские дети) и т. п.

Оба слова одинаково часто встречаются и в речевом обиходе военных (чаще в прошлом), и у коннозаводчиков, и у спортсменов (в настоящем), например:

Однажды является к [Киреевскому] молодой офицер покупать **лошадь**; **конь** сильно ему приглянулся; кучер, видя это, набавил цену; они поторговались, офицер согласился.. (А. И. Герцен. Былое и думы. Ч. 4. 1857);

У меня в Москве **лошадь** буденновской породы по кличке Пегас, а в Германии остался ахалтекинец Пейкам... (А. Федоров. Лошадник (2002) // «Автопилот», 2002.02.15).

Значит, ни происхождение двух слов, ни разграничение их по роду/полу, ни исходное размежевание по назначению животного (верховое / гужевое), ни какая-либо социальная функция не являются абсолютными и полностью определяющими различие семантики двух рассматриваемых названий. В действительности речевое разграничение сводится, как правило, к особенностям прагматического потенциала каждого из двух этих слов. Реальный языковой (речевой) материал убеждает в следующем: оппозиция *лошадь* — *конь* основана на двух прагматических противопоставлениях.

Первое противопоставление: нейтральность/окрашенность. **Лошадь** — нейтральная по значению и коннотациям (нулевая прагматика) лексическая единица, архилексема семантического поля, доминанта синонимического ряда, представленная в толковых словарях энциклопедической информацией. **Конь** — прагматически окрашенная номинация, характеризующаяся некоторым повышением стиля и экспрессией. Данное прагматическое противопоставление вносит определенные ограничения в сочетаемость слов, ср.: *люблю лошадей* — **люблю коней*; *бронзовый конь* — **бронзовая лошадь*, *маршал на коне* — **маршал на лошади*, *конь в яблоках* — **лошадь в яблоках* — замена не вполне корректна либо невозможна, поскольку связана с изменением стиля (повышение или понижение), актуализацией или нейтрализацией речевого пафоса, что не всегда бывает уместно. Синтагматическое разграничение двух номинаций косвенно отражено и в словарях. Так «Семантический словарь» под ред. Н. Ю. Шведовой сопровождает каждое из двух этих слов разными определе-

ниями, при этом для слова *лошадь* они исключительно функциональные (*рабочая, ломовая, верховая, скаковая, цирковая*), тогда как для имени конь — качественные, приближающиеся к эпитетам (*ретивый, рысистый*)², а также характеризующие животное по масти, цвету (*буланый, вороной, гнедой...*) (см. [Русский семантический словарь... 1998: 419, 420]).

Второе противопоставление: негативная / позитивная окрашенность, реализуется, в основном, в переносных употреблениях этих слов (см.: [Ефремова 2000]). Метафоризация имени *лошадь* в бытовой речи обычно подразумевает нечто приземленное, тяжелое, грубое, допускающее негативную коннотацию, отрицательный образ. Слово *конь* — напротив, и в переносных значениях обычно окрашено представлением о мощи, энергии, скорости, изяществе, то есть сопровождается позитивной коннотацией и предполагает некоторое повышение стиля, речевой пафос, ср.:

Галина Ивановна, старая школьная учительница, изношенная **лошадь** с обвисшим крупом, пришла в класс в новом платье...

(Л. Улицкая. Казус Кукоцкого) и

Дикий и точный **конь** страха вынес и выбросил меня у здания школы.

(Ф. Искандер. Мой кумир. 1965-1990);

Конь — своеобразный символ городецких художников, их визитная карточка. (И. Константинов. Город мастеров // «Наука и жизнь», 2007).

Казалось бы, универсальность гиппологической доминанты *лошадь* — с одной стороны, и прагматическая окрашенность субдоминанты *конь* — с другой, определяют и степень распространенности двух этих слов в речи. Но это верно лишь для общей и абсолютной частотности употребления. Так, поисковая система Яндекс, при всей относительности ее данных, обнаруживает следующее соотношение: 7 млн. упоминаний слова *лошадь* и 4 млн. слова *конь* [<http://yandex.ru/yandsearch...> 24.05.2014].

Что же касается некоторых частных параметров функционирования двух этих слов, то картина их использования довольно разнородна.

Так, «Частотный словарь русского языка» под ред. Л. Н. Засориной отмечает количественное преобладание слова конь (139 единиц против 126 для *лошадь*) [Частотный словарь... 1977: 275; 305], однако это количество определяется выборкой из художественных текстов, где, разумеется, у слова конь есть определенные прагматические преимущества.

² Показательно, что «Словарь эпитетов русского языка» из двух рассматриваемых слов включает в свой словник в качестве объекта характеризующей выразительности только имя конь: «бешеный, борзый, быстроногий, горячий, игривый, летучий, неукротимый, резвый...» [Горбачевич, Хабло 1979: 193–194].

Значительно превосходит существительное *конь* доминантную лексему *лошадь* по словообразовательным возможностям. Согласно данным «Словообразовательного словаря» А. Н. Тихонова, существительное **конь** имеет более 30 только прямых дериватов: *конный, конский, конюх, конина, коновал, конокрад, коногон, коновязь, коневод, коневодство...* [Тихонов 2008, т. 1: 474–475], в то время как слово *лошадь* всего 5 прямых производных: *лошадиный, лошадный, лошажник, лошаик, безлошадный* [Тихонов 2008, т. 1: 561]³.

Совсем иную смысловую картину и другую частотность демонстрируют гиппонимы *лошадь* и *конь* в переносных значениях, и, прежде всего, в составе оценочных сравнительных оборотов. **Как лошадь** — значит, прежде всего: ‘тяжело, напряженно, много, неприятно’ — прямое следствие негативной прагматической коннотации, например:

Да ну / Я посчитала деньги там не очень / ... будешь пахать **как лошадь**.

(Беседа о трудоустройстве // Из мат-лов Саратов. ун-та, 1990–1999);

— Тоска / понятно / почему ты туда не ходишь. Говорят / ты в запое... Говорят / ты пьёшь **как лошадь** / да?

(М. Пожемский. Мама не горюй, к/ф. 1997);

И сама сделала ремонт. Работаю без выходных / **как лошадь!**

(П. Тодоровский, С. Бодров. Любимая женщина механика Гаврилова, к/ф. 1981).

Оценка объекта *как лошадь* может приобретать и значение ‘громко, сильно’, при том чаще как оценка скорее отрицательная — выражение чрезмерности:

Несёт от неё табачищем / ржёт / **как лошадь!**

(Ю. Райзман, Е. Габрилович. Странная женщина, к/ф. 1977);

Маленькая-маленькая / а... здоровая / **как лошадь**. А знаешь / какой у неё аппетит?

(Р. Быков и др. Внимание, черепаха! к/ф. 1970).

Сравнительный оборот *как конь*, напротив, выражает значение, которое чаще оказывается положительным, чем негативным: ‘мощно, сильно, быстро’, например:

Девчонки наперебой радовались тому, что я наконец-то пришла в себя, оклемалась, очухалась... — Здоровая **как конь!** А мы еще переживали...

(В. Сеницына. Муза и генерал. 2002).

Парень был здоровый, ясноглазый, сильный, **как конь**.

(З. Прилепин. Санька. 2006);

Зинка Кудрявцева носилась **как конь**, выполняя поручения Нины Ивановны. (Т. Моспан. Подиум. 2000) —

³ Это помимо субъективной словообразовательной модификации, которая по количеству производных примерно одинакова для каждого из двух рассматриваемых слов: *лошадь* — *лошадка, лошаденка, лошадища...* и *конь* — *коник, коняшка, коняга...*

заметим, пол сравниваемого объекта значения не имеет.

И даже когда интенция говорящего, использующего сравнение как *конь*, предполагает отрицательную оценку объекта, она сопровождается некоторой снисходительностью, окраской неявного одобрения («большой, напористый»):

...Идет вот **как конь**... / ...ничего не видит.

(Беседа с социологом на общ.-полит. темы (Самара) // Фонд «Общественное мнение», 2003);

— Ботинки сними. Топочешь / **как конь**.

(Р. Быков и др. Внимание, черепаха!, к/ф. 1970).

Аналогичное размежевание позитивной/негативной окраски убедительно подтверждается и фактами традиционной речи. Так, по данным словарных материалов В. М. Мокиенко, преобладающее большинство оборотов *как лошадь* (85 единиц) передает отрицательную оценку: «глупый, дурной, толстый, безобразный, некрасивый, своенравный, неуступчивый (о женщине), непомерно большой, боязливый, бесстыдный, усталый, упрямый, грубый, крупный, ленивый, терпеливый, покорный, замученный, тяжело (усердно, надрывно) работающий...» [Мокиенко 2001: 40–46]. Сравнительный оборот *как конь* встречается несколько реже (всего 65 единиц) и положительных оценок в его употреблении, в отличие от *как лошадь*, заметно больше (примерно поровну явно положительных и условно отрицательных), при этом суть негативных оценок совершенно другая, *как конь* — это «резкий, упрямый, нетерпеливый, строптивый, своенравный, непокорный, вздорный, грубый, сердитый, чрезмерный, много и напряженно работающий» [Мокиенко 2001: 40–46].

Следовательно, сравнительный оборот *как лошадь* чаще и разнообразнее представляет отрицательную оценку, тогда как оборот *как конь* — допускает как положительную, так и отрицательную, но негативная оценка в нем не может быть сниженной, пренебрежительной, напротив, выражая значения, грубой силы, резкости, энергии, она сохраняет и элемент стилистического повышения. Разумеется, во всех этих случаях сравнительные обороты транспонируют исходные значения каждого из этих слов, поэтому в целом нейтральная или негативная коннотация семантемы *лошадь* оказывается более востребованной для переносных сравнительных значений, чем экспрессивный и стилистические повышенный образ *конь*⁴.

И наконец, совершенно особая ситуация наблюдается при использовании двух рассматриваемых гиппонимических доминант в составе фразеологических единиц — идиом и устойчивых выражений. По данным некоторых словарей (см.: [Химик 2004]; [Словарь-тезаурус современной идиоматики 2007]), слово *конь* с его прагматической

⁴ Сравнительный оборот *как лошадь* вообще более употребителен, чем сравнение *как конь*. Это подтверждается и данными Яндекса: сочетание *как лошадь* воспроизводится 216 тыс. раз, *как конь* — 73 тыс., т. е. в три раза реже [http://yandex.ru/yandsearch... 24.05.2014].

окрашенностью, возвышенностью, экспрессией встречается в составе около 20 актуальных для современной живой речи фразеологизмов: *по коням, на коне, въехать на белом коне, не в коня корм, конь не валялся, конь с педалями* и т. п., тогда как со словом *лошадь* устойчивых единиц набирается не более десятка: *ломовая лошадь, рабочая лошадь, не гони лошадей, что я лошадь что ли? Я не я и лошадь не моя, ставить телегу впереди лошади* и т. п. (отметим, в основном с отрицательной оценкой деятельности человека).

Аналогичная картина обнаруживается и в сфере крылатых фразеологических единиц. «Большой словарь крылатых слов русского языка» приводит 8 авторских оборотов со словом *конь* (*В одну телегу впрячь не можно коня... Коня на скаку остановит; Полцарства за коня! Смешались в кучу кони, люди... и др.*) и только 3, притом не самых распространенных, со словом *лошадь* (*Волга впадает в Каспийское море — лошади кушают овёс и сено; Четверть лошади; Ямицик, не гони лошадей...*) [Берков, Мокиенко, Шулежкова 2000].

Причина преобладающей фразеологической продуктивности слова *конь* (если не говорить о сравнительных оборотах) в целом очевидна: яркая прагматическая окрашенность, насыщенность коннотациями, в основном позитивными, экспрессия стилистического повышения на фоне нейтральной или сниженной исходной семантики слова *лошадь*, делают номинацию *конь* более востребованной в сфере фразеологии.

Итак, в чем же суть, причина и следствие русского гиппологического феномена?

Суть феномена, прежде всего, в самом факте двувёршинности гиппологического тезауруса: из обширного семантического поля русских гиппологических названий выделяется два наиболее универсальных и частотных по употребительности: доминанта *лошадь* и субдоминанта *конь*.

Причина феномена — исторический прецедент: закрепление и развитие в русском языковом пространстве двух доминирующих гиппонимов — общеславянского и заимствованного, между которыми в процессе исторического развития произошло содержательное размежевание, функциональное разделение: «гушевое животное» — «верховое животное».

Следствием этого разделения стало сохранение двух основных позиций в гиппологическом тезаурусе и вместе с тем расхождение их семантики, прагматики и употребления их. *Лошадь* — нейтральная общезыковая номинация

и в то же время экспрессема сниженности, прагматический образ грубой силы, приземленного, измученного непосильным трудом существа — метафоризация исходной функции «гушевое животное». *Конь* — прагматически окрашенная номинация, обозначение животного и, метафорически, человека, сопровождающееся, как правило, позитивной экспрессией, некоторым стилистическим повышением и даже пафосом: прагматический образ силы, мощи, скорости, красоты, связываемой с природой и назначением «верхового животного». Семантико-прагматическое расхождение двух слов предопределило и особенности их употребления в живой речи.

ЛИТЕРАТУРА

- Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник. 13-е изд. М., 2005.
- Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов русского языка: Ок. 4000 ед. М., 2000.
- Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998.
- Горбачевич К. С., Хабло Е. П. Словарь эпитетов русского литературного языка. Л., 1979.
- Ефремова Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. — 2-е изд., испр. М., 2005.
- Комплексный словарь русского языка / А. Н. Тихонов и др.; под ред. А. Н. Тихонова. М., 2005.
- Мокиенко В. М. Из сокровищницы русской речи (народные устойчивые сравнения с названиями животных) // Мир русского слова. — 2001. — № 4. — С. 40–46.
- Одинцов Г. Ф. Из истории гиппологической лексики в русском языке. М., 1980.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.
- Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН ИРЯ. Под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1998. — Т. 1.
- Словарь русского языка. Т. I–IV. / Гл. ред. А. П. Евгеньева. М., 1981–1984.
- Словарь-тезаурус синонимов русской речи / Под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2007.
- Словарь-тезаурус современной идиоматики / Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН / Под ред. А. Н. Баранова, Д.О. Добровольского. М., 2007.
- Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2-х т. М., 2008.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Под ред. О. Н. Трубачева. Т. 1–4. М., 1964–1973.
- Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб., 2004.
- Частотный словарь русского языка / Под ред. Л. Н. Засориной. М., 1977.

ДАнные об авторе

Химик Василий Васильевич — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка для гуманитарных и естественных факультетов Санкт-Петербургского государственного университета.

Адрес: 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Эл. почта: sakralist@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vasilyi Vasiljevich Himik is a Doctor of Philology, Professor, Head of Russian Language for Humanities and Natural Science faculties of St. Peterburg State University.